

№ 191. ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 12 ІЮЛЯ 1904 г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки: на годъ 7 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 3 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 65 к.

Съ доставкой и пересылкою: на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Отдѣльные №№ въ конторѣ редакціи и въ лѣткахъ продажи по 5 к.

За веремѣну адреса иногородн. подписч. уплачив. 30 к., а городскіе, переходя въ иногор.,—20 к.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная плата взымается въ 20 0/10 противъ бездоставочныхъ цѣнъ. Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Кремляцк., № 35), отъ 10 ч. утра до 6 ч. веч., въ праздники отъ 12 до 3 ч. дня.

Адресъ титогр. газеты: Пушкинская 4.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ:

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 12 ІЮЛЯ 1904 г. № 191.

ВѢСНИКЪ ОТКЛОНІИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

УСЛОВІЯ ПЕЧАТАНІЯ ОБЪЯВЛЕНІИ

За одну строку въ столбцѣ или въ мѣсто строки печата въ первый разъ 40 к., за каждый слѣдующій разъ по 20 к.; заголовокъ текста—въ первый разъ 25 к., за слѣд. разъ по 15 к. При одновременномъ объявленіи дѣлается соотвѣствующая скидка. Длительность труда, относящаяся къ разн. мѣрѣ 30%.

Рукописи должны быть за подписью подписчика и адресомъ автора и подписать, въ случаѣ необходимости, измѣненій и сокращеній. Желающіе получить образцы печатанія рукописи должны приложить марку на пересылку. Мелкіе статьи, замѣтки и стихотворенія не возвращаются.

Редакція для личнаго объявленія открыта ежедневно отъ 3 до 4 ч. дня.

Редакція и св. контора размѣщ.: Крмц. 35. Тел. № 503.

Памяти Чехова.

Нѣтъ у насъ больше Чехова... Покинулъ насъ этотъ высокій, удивительный талантъ!...

Нѣтъ Чехова... Какъ больно писать эти простыя и страшныя слова! Какъ рано ушелъ онъ, какъ много дивныхъ твореній могъ онъ еще создать!.. Но и эта ранняя смерть—какое-то обычное у насъ явленіе, и не надо называть имена нашихъ великихъ писателей, такъ-же рано сомкнувшихъ свои вѣщія уста,—они, конечно, у всѣхъ въ памяти...

Чеховъ умеръ 44-хъ лѣтъ, проживъ двумя годами больше одного изъ такихъ прежнихъ великихъ покойниковъ—Гоголя. Оба они начали съ безудержнаго молодого веселья, обоихъ сперва потѣшало то море пошлости, которое окружало ихъ; но чѣмъ больше они по нему плавали, тѣмъ все меньше

ставалось въ душѣ у нихъ мѣста для непосредственнаго веселья, тѣмъ все яснѣе дѣлалась жестокая изнанка пошлости. И вотъ, веселость одного постепенно перешла въ знаменитый „видимый міру смѣхъ сквозь незримыя слезы“, а другой, въ концѣ концовъ, почти и вовсе разучился смѣяться...

Чеховъ отразилъ въ своемъ творствѣ и ликующую, благоденствующую пошлость, и много-много одинокихъ страданій, безысходныхъ драмъ, разбитыхъ, искалѣченныхъ жизней. Такъ много, что отъ зрѣлища ихъ пришелъ даже къ выводу, что «дѣла и мысли живыхъ существъ далеко не такъ значительны, какъ ихъ скорби» («Моя жизнь»). И тяжело задумывался надъ этой массой страданій человѣческихъ, глубиной боли и неправды жизни,—и не могъ ихъ объяснить себѣ. «Мнѣ страшно,—говорить у него одно лицо въ рассказѣ «Страхъ»,—потому что я не понимаю, для чего и кому все это пужно». Онъ не понималъ смысла страданій, смысла такой жизни, и была эпоха, когда онъ сдѣлалъ заключеніе, что этого смысла и не существуетъ.

Но оставаться съ такимъ заключеніемъ было слишкомъ тягостно, пестерпимо; живая душа писателя требовала иного отвѣта,—и вотъ начинаются у него жадныя поиски правды и смысла жизни. Что дѣлать? Зачѣмъ жить?—отнынѣ эти вопросы становятся самыми кардинальными вопросами его жизни, проникаютъ его творчество. И почти каждое его произведеніе ихъ ставить, почти каждое отражаетъ столкновение различныхъ міросозерцаній.

Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ мысль Чехова постоянно останавливалась на важнѣйшихъ этическихъ и социальныхъ проблемахъ, и къ этимъ проблемамъ онъ подходилъ съ опредѣленными и высокими требованіями отъ человѣка и для человѣка. «Человѣку,—училъ онъ,—пужень весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и способности своего свободнаго духа» («Крыжовникъ»). «Человѣкъ долженъ сознавать себя выше всего въ природѣ, даже выше того, что непонятно и кажется чудеснымъ, иначе онъ не человѣкъ, а мышъ, которая всего боится» («Чайка»).

При такомъ высокомъ возрѣніи па человѣка, Чехова постоянно и мучительно угнетала мысль, что массы людей «живутъ хуже животныхъ—только ради куска хлѣба, испытывая постоянный животный страхъ. Весь ужасъ ихъ положенія въ томъ, что имъ некогда о душѣ подумать, некогда вспомнить о своемъ образѣ и подобіи; голодъ, холодъ, животный страхъ, масса труда, точно снѣговые обвалы, загородили имъ всѣ пути къ духовной дѣятельности, именно къ тому самому, что отличаетъ человѣка отъ животнаго и составляетъ единственное, ради чего стоитъ жить». А потому, говоритъ писатель, „нужно освободить людей отъ тяжкаго физическаго труда, нужно дать имъ передышку, чтобы они не всю жизнь проводили у печей, корыть, въ полѣ, но имѣли бы также время подумать о душѣ, о Богѣ, могли бы пошире проявить свои духовныя способности. Призваніе всякаго человѣка—въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни... Мы высшія существа, и если бы въ самомъ дѣлѣ мы сознали всю силу человѣческаго генія и жили бы только для высшихъ цѣлей, то, въ концѣ концовъ, мы были бы какъ боги“. («Домъ съ мезониномъ»).

Жить для высшихъ цѣлей, постоянно искать правды и смысла жизни—этому упорно и неустанно училъ нашъ художникъ-философъ. Свою святую жажду правды онъ видѣлъ и находилъ и въ нашемъ народѣ. «Какимъ-бы неуклюжимъ звѣремъ ни казался мужикъ, идя за своей сохой, и какъ бы онъ ни дурманилъ себя водкой,—говорить онъ въ «Моей жизни»,—все же онъ вѣрить, что главное на землѣ—правда и справедливость, и спасеніе свое личное и всего народа видѣть въ одной лишь справедливости, которую любить больше всего на свѣтѣ. А развѣ это не самое важное въ жизни?»

И страстно ждалъ, страстно тосковалъ нашъ писатель по этой свѣтлой, прекрасной жизни — и давно сначала во многихъ, а потомъ во всѣхъ, включительно до самаго послѣдняго произведенія,—отражалъ и свою страстную жажду этой новой жизни, и свою жгучую тоску по ней. Точно видѣніе какого то иного міра, далекій отблескъ какихъ-то волшебныхъ грезъ «о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ подъ кущами райскихъ садовъ», вѣчно жила въ душѣ его мечта о возможности прекрасной жизни. Конечно, не въ пискоро набрасываемой замѣткѣ прослѣдить зарожденіе и развитіе этой мечты, этого свѣтлаго идеала;—здѣсь довольно только отмѣтить его наличность, на двухъ-трехъ примѣрахъ указать, что онъ-то представлялся писателю близкимъ и скоро достижимымъ, то отходилъ въ безграничную даль, то какъ бы совсѣмъ переносился въ потустороннее бытіе,—но никогда не покидалъ его сердца. Соня („Дядя Ваня“), съ сердцемъ, переполненнымъ тоскою и мукой, утѣшаетъ себя и дядю тѣмъ, что тамъ, за гробомъ, они увидятъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, и отдохнуть... А когда Старцевъ („Іонычъ“) бродилъ лунною ночью по кладбищу, то ему казалось, что въ „въ каждомъ темномъ тополѣ, въ каждой могилѣ чувствуется присутствіе тайны, обѣщающей жизнь тихую, прекрасную, вѣчную“.

Такъ непрестанно искалъ нашъ художникъ смысла жизни и правды ея, такъ тосковалъ по иной, прекрасной жизни, и этими исканіями, этой тоской и этой мечтой наполнилъ свои произведенія, далъ имъ красоту, глубину и неумирающую жизнь. И кажется намъ, когда мы ихъ перелистываемъ теперь,—

Какъ будто въ нихъ вошла всецѣло,
Навѣкъ, для жизни безъ конца,
Душа, оставившая тѣло

Ихъ бездыханнаго творца..

Теперь ихъ творецъ самъ ляжетъ на вѣчный покой... Спи же на тихомъ кладбищѣ, нашъ тихій, грустный художникъ-философъ; спи, носившій въ больномъ страдальческомъ сердцѣ своемъ вмѣстѣ съ вѣчною тоскою и вѣчное упованіе на прекрасную жизнь грядущаго. Спи мирно, отстрадавшая душа. И если тамъ, куда ты ушелъ отъ насъ, есть та прекрасная жизнь, которая предносилась тебѣ въ чудныхъ творческихъ снахъ твоихъ,—она будетъ твоею. А эти бѣглыя строки прими отъ насъ, какъ грустную дань нашей любви и нашей печали...

И. Джонсонъ.

